

ВТОРНИК

А если бы прошлое зависело от меня?

1

*Министерство госбезопасности, шестой отдел,
камера № 50. 15:00*

«Это твой последний день в этом мире, Томас Дримм. Через несколько часов твоя жизнь полностью изменится — и так, как задумал я. Ты воображаешь, что покончил со мной. Думаешь, что Оливье Нокс — смертник, по твоей милости гниющий в камере строгого режима. Но тебе следовало бы знать, дорогой мой мальчик: чем яростнее ты борешься со мной, тем сильнее я становлюсь. Ты веришь, что олицетворяешь силы Добра, но в действительности являешься орудием Зла.

В надежде спасти женщину ты пытаешься исправить непоправимое. Ты уверен, что владеешь абсолютным оружием — ручкой, останавливающей время. Воображаешь, будто теперь сможешь переписать прошлое, отменив несчастья, тобою же спровоцированные, и воссоздать другую реальность для тех, кого любишь.

Это последний этап твоего обучения, Томас. Из мальчика с благими намерениями ты превратишься в достойного наследника Дьявола. И я смогу наконец передать тебе эстафету».

2

К счастью, сейчас каникулы, поэтому все вечера я провожу рядом с Брендой. В ее жизни есть только я. И она об этом

не знает. Моя недостижимая блондинка лежит на матрасе, который каждые двадцать минут изгибается как змея. Я думал, это такой прием, чтобы разбудить ее, но медсестра объяснила — так предотвращают образование пролежней. Это когда кожа отмирает, если слишком долго лежишь.

Я смотрю на Бренду, и угрызения совести заглушают во мне все остальные чувства. Ведь это по моей вине она теперь в коме. Как я надеюсь, что она меня слышит! Поэтому я с ней разговариваю. Каждый раз, приходя в больницу, повторяю нашу историю, чтобы Бренда знала, как я перед ней виноват. Пичкаю ее одним и тем же в надежде, что в конце концов ей это надоест и она проснется со словами: «Я тебя прощаю, окей, может, хватит меня доставать?» Но, видимо, я еще недостаточно заморозил ей голову. Или она уже вне досягаемости.

Я слышал о людях, которые десять лет пролежали в коме, а потом очнулись. Так что у меня есть время. К тому же, хоть и нехорошо так говорить, меня бы это даже устроило. Через десять лет наша разница в возрасте не будет казаться такой большой. Я стану взрослым мужчиной и смогу жениться на Бренде. Если буду любить ее по-прежнему. Конечно, за десять лет я встречу других женщин и, может, забуду ее. Но я стараюсь не думать об этом. Вдруг Бренда слышит мои мысли? Меня и так мучают угрызения совести, зачем заранее нагружать себя новыми.

Так что я каждый день рассказываю ей одно и то же. Напоминаю о нашем знакомстве и нашей борьбе, об опасностях, пережитых вместе, и о победе, в результате которой она оказалась в таком состоянии. С каждым разом я всё больше совершенствую свой рассказ, находя более краткие и емкие выражения. Я стараюсь разбудить в ней желание вернуться к нам, ко мне и возобновить нашу историю, которая так внезапно оборвалась. Я призываю Бренду в свидетели, пытаюсь на-

смешить, интересуюсь ее мнением. Я даже забываю, что говорю один.

— Привет, я Томас. Сегодня вторник, погода хорошая, 19 градусов, тебя зовут Бренда Логан, ты блондинка, у тебя глаза карамельного цвета и потрясающие мускулы, но было бы неплохо дать им работу. Ты живешь в Нордвиле — столице Объединенных Штатов. Я твой сосед из дома напротив. А еще ты гениальная художница. В прошлой жизни ты говорила, что деньги не очень-то тебя любят, но сейчас я устроил так, что твои картины всюю раскупаются, так что можешь оставаться в коме сколько захочешь. Но всё-таки лучше не забывать об экономии. Ты, может, не знаешь, но каждый день сна здесь стоит месячной аренды твоей квартирки. Не пора ли найти лучшее применение твоим денежкам, пока больница всё из тебя не выкачала?

Тут я делаю паузу, чтобы Бренда обдумала мои слова. На случай, если она всё-таки меня слышит. И приступаю к более грустной части истории.

Пиктон, воздушный змей, Оливье Нокс, уничтожение Аннигиляционного экрана... Время от времени я замолкаю: всё сразу это, наверное, трудно переварить. В тишине громко вздыхает аппарат искусственной вентиляции легких. Не сводя глаз с ее сомкнутых век, я продолжаю:

— Вот только нам не сказали, что Экран закрывал нас, как сырный колпак. Защищал от ядовитой пылицы деревьев, которая уничтожила человечество на остальной планете.

Я снова замолкаю. Каждый раз я слежу, чтобы напряжение не спадало, а рассказ получал неожиданные повороты, хотя, судя по всему, этого никто не оценит. Каждое ее движение оказывается ложной надеждой. Это всего лишь вибрации электрического матраса.

— Благодаря тебе мы остановили войну с деревьями. Она была провокацией Нокса — одной из многих. Когда я узнал

правду, он решил меня отравить. Ты спасла мне жизнь, проглотив желудь, который подсунул Нокс. И из-за этого не можешь проснуться уже три недели.

Я перевожу дыхание и добавляю, глядя ее по руке:

— Но врачи не нашли яда в твоём организме. Они говорят, им не от чего тебя лечить. Так что давай просыпайся. Мне очень плохо одному, я всё время думаю, что, если бы не я, ты бы сейчас не лежала в коме. Вот. Ты сильно на меня сердисься?

Тишину, которая наступает после этого, трудно вынести. Я молча смотрю на Брендю. Я, конечно, пытался вылечить ее изнутри. Это знание среди прочих передал мне Пиктон, когда вселился в моего медведя. Но я потерял ту легкость, с которой мог воздействовать на клетки тела. Во всяком случае, с Брендой у меня не получается. Может, в том, что я потерял свою силу, виноват возраст. Половое созревание направляет мою энергию на вещи, которые я не контролирую, вроде роста волос, ломки голоса и снов о девушках. Когда я пытаюсь мысленно проникнуть в тело Брендю, у меня не получается это так, как раньше... Итак, сегодня я пришел в больницу с ручкой. Я кладу ее на лист бумаги. И жду. Ручка — мой последний шанс. Раз я не могу исправить будущее, попробую изменить прошлое.

Вот уже десять дней я пытаюсь изменить пять секунд своей жизни. Пять секунд на пляже казино между последними словами Пиктона и тем моментом, когда воздушный змей проломил ему голову. Пять секунд, перевернувшие мою жизнь. Но они не поддаются ни стиранию, ни исправлению. Один я ничего не могу сделать. Мне нужна дополнительная энергия.

Я придвигаю стул к кровати и кладу на живот Брендю стопку бумаги. Сжимаю левой рукой ее запястье и кладу на бумагу ручку. Пожалуйста, помоги мне тебя разбудить. Хочу, чтобы ты вернулась. Стала такой, как раньше. Хочу, чтобы Пиктон не умирал

и я не приходил к тебе за помощью. Даже если я снова превращусь в одного из твоих соседей, который не решается заговорить с тобой без повода. Ну и ладно... Я предпочитаю видеть тебя живой, пусть и не знающей о моем существовании, чем сидеть здесь и смотреть на тебя спящую.

Я отпускаю руку Бренды и закрываю глаза, уносясь мыслями далеко от этой больничной палаты, от этого солнечного дня.

3

Шторм набрасывается на моего XR9, заставляя его выделять акробатические фигуры. Я всем телом чувствую его вибрацию через леер, которым он соединен с карабином в моих руках. Он свободен, как ветер, и всё-таки слушается меня беспрекословно. Потрясающее ощущение! Я вижу, что навстречу мне идет старик, с трудом удерживая равновесие при помощи зонта-трости, которая при каждом его шаге глубоко проваливается в песок. Не открывая глаз, я превращаю эту сцену во фразу, стараясь приноровить ритм слов, которые пишу вслепую, к ритму его походки.

— Нельзя запускать змея в такую погоду! Ты его сломаешь!

От его раздраженного голоса у меня дрожат пальцы. Я сразу уменьшаю несущую поверхность крыла и сматываю леер, чтобы вернуть XR9 на землю. Но внезапно одно крыло ломается, и змей, накренившись, стремительно летит вниз. Хрясь! Нос змея зарывается глубоко в песок прямо у ног старика.

— Да ты, видно, убить меня собрался?

Я смотрю на его всклокоченные волосы, погнувшиеся очки, из-за которых выглядывают хитрые глазки, и прошу прощения. Он пожимает плечами, плотнее запахивает клетчатую куртку и исчезает в тумане.

Я на ощупь достаю из кармана мобильный телефон и, стремясь закрепить эту новую версию нашей встречи, нажимаю на кнопку «последний исходящий звонок».

— Здравствуйте, мадам, я могу поговорить с профессором Пиктоном?

— Он всё еще мертв, — отвечает его вдова немного нервно, — а я украшаю торт, тебе не трудно подождать пять минут?

Я открываю глаза и, вздохнув, надеваю на ручку колпачок.

— Окей, Эдна. Ставлю себя на паузу.

— Тебе надо прогуляться, мой милый. А то ненароком подхватишь писательскую судорогу. Ты зря так изводишься. Даже если тебе удастся убедить себя, что ты не убивал Леонарда, это не заставит меня забыть, что он мертв.

Я поспешно кладу трубку, чтобы не заразиться ее пессимизмом. Не надо было посвящать старуху в мой план и звонить ей десять раз на дню с вопросом, удалось ли воскресить ее мужа. Дело не в том, что она в это не верит, она этого не хочет! Перспектива зажить со своим покойником в параллельной вселенной, судя по всему, совсем не вдохновляет Эдну. Но я всё-таки этого добьюсь, я знаю. Вот сконцентрируюсь как следует и не дам моему воздушному змею раскроить череп Пиктону. Я обязательно открою это параллельное будущее, где он возвращается домой, ворча на невоспитанных детей, которые не слушаются взрослых. В этом новом будущем я проживу жизнь без говорящего медведя, без войны с деревьями и без комы Бренды. В этом будущем я позвоню Эдне Пиктон и она меня не узнает. Ясно же, что, если я не убивал Лео, она никак не может быть со мной знакома. Ведь я уже не приду к ней домой с предложением забрать моего медведя, в которого вселился ее покойный муж.

Обожаю Эдну — с ее лошадиной внешностью и голубыми волосами, добрым сердцем и несносным характером. Я вижу, что осточертел ей своими звонками, но если я опущу руки, то кто

воскресит ее мужа? Уверен, она его еще любит, несмотря на все его недостатки, и это не она своими сомнениями блокирует силу ручки.

Но, кажется, я знаю, в чём проблема. Возможно, ручке-хронографу не удастся создать новую версию моей встречи с Пиктоном, потому что у этой сцены был свидетель. Тот самый человек, который заставил моего змея спикировать на голову Пиктона, а потом наблюдал за нами на расстоянии. Ведь смерть ученого не была несчастным случаем — я понял это, обнаружив на крыле змея датчик дистанционного управления. Причиной трагедии был не ветер. Кто-то хотел моими руками убить изобретателя мозговых чипов и Аннигиляционного экрана. Но как бороться с памятью убийцы, наблюдавшего за своим преступлением? Его память сохранила эту сцену и не дает реализоваться моему воображению.

Убийцу я знаю. Это Оливье Нокс. После того как его сводная сестра захватила власть, бывшего министра энергоресурсов арестовали за государственную измену, и теперь он находится в тюрьме в ожидании военного трибунала. Я говорю себе, что только его смерть может вернуть Пиктону жизнь. Желать этого, конечно, нехорошо, но другого способа я не вижу.

Я натягиваю Брендe одеяло до подбородка, нежно целую ее в лоб и кладу ручку в карман. Пора оставить прошлое в покое и пойти к ней домой полить цветы. Там, по крайней мере, когда я наливаю воду в глиняные горшки, хоть что-то происходит. Цветы оживают, и листья перестают сохнуть.

4

Единственное, что позволяет мне чувствовать себя не совсем бесполезным, — это ключи от квартиры Брендe, лежащие у меня в кармане. И дело не только в поливке цветов. Если бы

я регулярно не освобождал ее почтовый ящик от корреспонденции, он бы очень скоро оказался забит, а это знак для грабителей, что в квартире давно не живут. Я знаю нравы нищего пригорода, в котором так долго жил.

Я притворяю за собой дверь, кладу счета на стопку других счетов, ожидающих возвращения хозяйки. Потом иду в гостиную и поднимаю жалюзи. Бросив взгляд на картины Бренды, которые постепенно покрываются пылью, прохожу в спальню. Здороваюсь с разобранной кроватью. Обхожу боксерскую грушу и открываю окно. Облокотившись на подоконник, смотрю на старую лачугу, в которой когда-то жил с родителями. Теперь там теснится другая нищая семья.

В моей бывшей комнате сейчас живут трое подростков. При нынешнем кризисе рождаемости это редкость. А может, там теперь коммуналка на три семьи. Самый младший вешает сейчас мокрую футболку на мансардное окно — прямо как я когда-то. Я встречаюсь с его мрачным взглядом. Он отворачивается. У него, бедняги, нет возможности смотреть на Бренду в окне напротив, чтобы освежить свою тухлую повседневность.

Я закрываю окно. Забавно, что теперь, когда Лили Ноктис взяла мою мать под опеку, а моего отца — в фавориты, теперь, когда мы живем на мраморной вилле с большущим бассейном, предназначенной для семей членов правительства, я стал скучать по своей прошлой жизни. Оказывается, она была не так уж плоха. Доходит до того, что я жалею даже о лишних килограммах, которые ставили крест на моей грядущей карьере, обрекая на работу в кол-центре. Жиртресты не имеют права работать на людях, так же как и нервно-депрессивные граждане. Они портят картинку, подрывают дух нации. Сейчас я лишился пуза и толстых щек, то есть должен быть совершенно счастливым. Но я больше, чем прежде, чувствую себя на дне пропасти.

Я прыскаю вокруг духами Бренды, чтобы жилище казалось обитаемым. Аромат растекается по квартире, и мне становится немного легче. Наливаю себе стакан диетической колы на кухне, утопающей в грязи. В раковине по груде грязных тарелок с окаменевшими спагетти ползают тараканы. Каждый раз, приходя сюда, я борюсь с желанием вымыть посуду. Бренда никогда не была образцовой домохозяйкой. Поэтому я предпочитаю оставить этот беспорядок нетронутым. На случай, если она проснется, забыв всё, что было раньше. Это поможет ей себя вспомнить. Мне вот помогает.

Я возвращаюсь в гостиную, сажусь в кресло с выцветшей обивкой. С его подлокотника свисают два спортивных носка. Я рассматриваю картину на мольберте. Там изображен огромный дуб, растущий посреди автозаправочной станции. Он сам появился под кистью Бренды, чтобы позвать нас на помощь.

Внезапно мне становится жутко холодно. Будто с картины, где дуб роняет желтые листья, дохнуло осенними заморозками. Я возвращаюсь в спальню, натягиваю свитер Бренды и словно оказываюсь в ее объятиях. Закрывая шкаф, я слышу какие-то звуки в прихожей. Негромкий металлический скрежет. Скрип двери. По спине пробегает холодок. Воры? Полиция? Я оставил ключ в замке, а значит, прятаться бесполезно. Озираюсь в поисках предмета, которым можно обороняться. Гантели. Боксерская груша, которую можно обрушить на непрошенных гостей и, пока они приходят в себя, выбежать из квартиры и позвать на помощь.

Я еще взвешиваю все «за» и «против», когда в комнату врываются два типа в спортивных костюмах и в масках с дырками для глаз. Я бросаюсь к двери. Но один ловит меня за локоть, а другой хватает за плечо и прижимает к носу тряпку. У меня сразу мутится сознание. Я отбиваюсь свободной рукой, молочу наугад и быстро лезу в карман. На ощупь снимаю с ручки колпачок. Мои пальцы двигаются еще очень быстро, но мысли

ворочаются всё медленнее. Я вижу, как моя рука вынимает из кармана ручку и ее острое вонзается в ладонь, сжимающую мне горло. Раздается сдавленный крик, и тиски разжимаются. Я пытаюсь вырваться и валяюсь на пол.

Когда я снова открываю глаза, в квартире пусто и тихо. Я еще немного лежу, чтобы в этом убедиться. Моя щека прижата к паркету, в носу щекочет от пыли. Наконец я встаю и тащусь на кухню. Ноги не слушаются, перед глазами всё плывет. Выпиваю стакан воды из-под крана, умываюсь. И тут ко мне возвращается память. Я бросаюсь в спальню, ищу ручку. Она откатилась к стене. Кажется, перо не повреждено. Чтобы убедиться в этом, я делаю росчерк на конверте от какого-то счёта. Перо царапает бумагу, оставляя красный след. Это кровь того типа, которому я проткнул руку.

На букве «д» в слове «Бренда» чернила снова становятся черными. Складываю листок пополам и убираю в карман, чтобы не оставлять следов. Любопытно, повлияет ли рана на того, кто меня душил? А вдруг чернила хронографа, попадая в вену, открывают параллельный мир? Может, это и есть решение — писать прямо на теле? Вытатуировать на себе новую реальность, в которой я хочу жить? Эта жутковатая мысль приводит меня в странное волнение.

И в этот миг я осознаю весь ужас случившегося. Пустые мольберты. Голые стены. Картины Бренды исчезли. А ведь это было единственное средство оплачивать больничную палату! Теперь мне нечего продавать, чтобы поддерживать ее жизнь.

Я падаю в кресло. Что делать? Обращаться в полицию? Наверняка ей не на что было застраховаться от воров... Обнимаю себя за плечи, чтобы окутаться запахом ее свитера. И иду наполнять водой кастрюлю, чтобы полить цветы. Пусть от моего прихода будет хоть какая-нибудь польза, раз уж я не смог помешать ограблению.

Я выхожу из квартиры, и больше, чем гнев, меня мучает вопрос: грабители унесли картины случайно, наткнувшись на открытую дверь? Или они следили за мной, чтобы проникнуть в квартиру, не взламывая замка? Никаких доказательств ограбления, кроме моего свидетельства, нет. Но оно может обернуться против меня. Ведь я единственный, у кого есть ключ. И я мог сам продать картины, чтобы разжиться деньгами. Что может доказать имя, написанное красным на листе бумаги? Кто станет возиться со словом «Бренда», чтобы извлечь из него ДНК похитителя? У полиции есть другие дела. К тому же они сами могут быть в этом замешаны. Бренда знает, что министр госбезопасности участвовал в заговоре Оливье Нокса. Все они заинтересованы в том, чтобы Брендю отключили от аппаратов за неплатежеспособность. А из этого следует одно: картины похитили, чтобы она умерла...

Перед уходом я достаю из ящика с инструментами отвертку. Обернув рукоятку бумажным полотенцем, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, ломаю замок. Потом вставляю ключ и убеждаюсь, что он не поворачивается. По крайней мере, теперь, когда полиция начнет расследовать ограбление, она не сможет утверждать, что я единственный подозреваемый.

Выбрасываю отвертку в канаву перед домом. Больше мне не придется поливать здесь цветы.

5

Чтобы совсем меня доконать, начинает моросить дождь. Я так и не снял свитер. Стараюсь не думать, что, кроме него, у меня ничего не останется от Бренды. Капли дождя, пропитанные запахом биотоплива, уже почти заглушили ее аромат. Теперь от свитера несет пригоревшими овощами.